

Много ходило всяких рассказов об ужасных историях, приключившихся на фронтах мировой войны и не попавших на страницы газет. Некоторые из них доводили меня до полуобморочного состояния, другие заставляли испытывать глубокое тошнотворное отвращение, некоторые же вызывали дрожь и неосознанный порыв оглянуться, не таится ли что в темноте. Но тот ужасный, необъяснимо кошмарный случай, который довелось пережить лично мне, ни в какое сравнение, на мой взгляд, с этими историями не идет.

В 1915 году я служил в чине лейтенанта в канадских войсках, действовавших во Фландрии, и был один из многих американцев, вступивших в гигантскую бойню прежде своего правительства. Я оказался в армии не по собственной воле, а вследствие того, что в ее рядах пребывал человек, чьим бессменным ассистентом я оставался долгие годы. Это был прославленный бостонский хирург доктор Герберт Уэст. Доктор Уэст жаждал применить в великой войне свой хирургический опыт и, как только случай представился, увлек за собой и меня, почти против моего желания. Я надеялся, что война разлучит нас: сотрудничество с Уэстом все больше тяготило меня, однако, когда он, прибыв в Оттаву, получил при содействии друзей чин майора и властно потребовал, чтобы я непременно ассистировал ему и в новых условиях, у меня не хватило духу возразить.

Стремление доктора Уэста попасть на войну вовсе не говорило о его особой воинственности или тревоге за судьбы цивилизации. Этот голубоглазый блондин в очках, все такой же худощавый, так и остался холодным как лед интеллектуалом-роботом. В глубине души он наверняка посмеивался над приступами военного патриотизма, время от времени одолевавшими меня, когда я был готов осуждать безучастный нейтралитет других. Однако в сражающейся Фландрии было нечто, в чем он нуждался и ради чего надел военную форму. Желания Уэста резко отличались от обычных, свойственных остальному человечеству желаний и были тесно связаны с той областью медицины, которую он тайно разрабатывал, достигнув в ней ошеломляющих и подчас пугающих результатов. Ему требовалось не больше не меньше как постоянно иметь под рукой свежие трупы в разной степени расчленения.

В свежих трупах Герберт Уэст нуждался потому, что занимался проблемой воскрешения мертвых. Эта сторона его деятельности была сокрыта от высокопоставленной клиентуры, сделавшей его имя знаменитым вскоре после нашего приезда в Болтон, но зато хорошо известна мне, его старому другу и единственному ассистенту со времен нашего обучения на медицинском факультете Мискатоникского университета в Археме. Именно тогда он начал проводить свои зловещие опыты — сначала на мелких животных, а потом на человеческих трупах, которые мы добывали самыми немыслимыми способами. Уэст изобрел специальный раствор, который вводил трупам в вену, и те, если их не коснулось разложение, реагировали по-разному, но всегда противоестественно. Всякий раз Уэст с трудом подбирал нужную формулу раствора: ведь для каждого организма годился лишь свой, особый состав. Страх одолевал его при воспоминании о неудачах, когда из-за неподходящего препарата или начавшегося трупного разложения возникали монстры. Некоторые из них остались в живых: одного поместили в психиатрическую лечебницу, другие же бродили неизвестно где, и, думая об их возможных, пусть и маловероятных, деяниях, Уэст содрогался от ужаса, с трудом скрывая свою нервозность под привычной маской уверенного в себе врача.

Уэст скоро понял, что гарантией успешных экспериментов служит максимальная свежесть трупа, и начал прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы заполучить нужный материал. В колледже и позднее, когда мы работали врачами в фабричном городке Болтоне, я благоговел перед своим другом, но со временем его методы становились всё жестче, и во мне поселился страх. Мне не нравился тот плотоядный взгляд, который он бросал на живых, пышущих здоровьем людей, а в один кошмарный вечер, когда мы, спустившись в подземную лабораторию, приступили к эксперименту, я узнал, что наш очередной подопечный, попав к

Уэсту, был еще жив. Именно тогда Уэсту впервые удалось пробудить в ожившем мертвце проблеск человеческой мысли, и этот обретенный такой дорогой ценой успех окончательно погубил его.

О том, что он делал в последующие пять лет, я предпочитаю помалкивать. Я не порывал с ним только из страха, хотя был свидетелем сцен столь отвратительных, что человеческий язык отказывается воспроизвести их. Герберт Уэст стал казаться мне личностью еще более зловещей, чем его черное дело. Это случилось после того, как я осознал, что благородное желание ученого продлить жизнь человеку постепенно переродилось у него в нездоровое, отталкивающее любопытство и скрытую некрофилию. Его интерес переродился в извращенный, дьявольский интерес ко всякой, самой чудовищной патологии: он восхищался созданными им чудовищами, которые заставили бы любого нормального человека потерять сознание от страха и отвращения. Словом, за его рафинированной интеллектуальностью, за маской утонченного Бодлера хирургии скрывался мертвенный лик Елагабамуса гробниц.

Опасность он встречал невозмутимо, преступления совершал равнодушно. Кульминацией в его перерождении явился, думаю, тот момент, когда он доказал, что жизнь разума может быть восстановлена, и стал искать новые области применения своей энергии, экспериментируя теперь с отдельными частями человеческого тела. Им овладела совершенно сумасшедшая идея о независимости жизненных свойств органических клеток и нервной ткани в отдельных частях организма, и он даже добился некоторого успеха, поддерживая жизнь в почти вылупившемся детеныше одной странного вида, не поддающейся описанию тропической рептилии. Он стремился разрешить два биологических вопроса: во-первых, могут ли сознание и разумные действия сохраняться без участия головного мозга, с помощью лишь спинного и различных нервных центров, а во-вторых, существует ли между отдельными частями того, что было прежде единым организмом, некая нематериальная, неуловимая связь? Ясно, что при такого рода работе требовалось большое количество свежерасчлененных трупов. За ними-то и отправился на войну Герберт Уэст.

В конце марта 1915 года, как-то ночью, в полевом госпитале неподалеку от линии фронта в Сент-Элуа, произошло фантастическое, незабываемое событие. Даже сейчас я не перестаю задавать себе вопрос: а не было ли все виденное мной дьявольским наваждением? Уэст располагал тогда личной лабораторией, расположенной в отдельном помещении временного госпиталя. Он получил ее, убедив начальство, что лаборатория необходима для работы над методикой лечения тяжелораненых, считавшихся безнадежными. Там, среди своих кровавых трофеев, он работал как мясник, а я так и не смог привыкнуть к той спокойной сосредоточенности, с какой он сортировал и раскладывал отдельные части человеческих тел. Временами он по-прежнему демонстрировал чудеса хирургического искусства, спасая солдат, но все же его главный, значительно менее филантропический интерес был сокрыт от человеческих глаз. Ему постоянно приходилось искать объяснения тем странным, даже в условиях военной мясорубки, звукам, доносившимся из его лаборатории. Среди этих звуков довольно частыми были выстрелы — привычные на поле сражения, они удивляли в стенах госпиталя. Но ожившие органы не предназначались для длительного функционирования и уж тем более для посторонних глаз. Помимо работы с человеческим материалом, Уэст продолжал свои изыскания мышечной ткани эмбриона рептилии. В ней было проще поддерживать жизнь, и мой друг на время целиком посвятил себя работе с ней. В темном углу лаборатории в необычного вида инкубаторе стоял вместительный бачок с эмбриональной тканью, постепенно росшей в объеме и поднимавшейся в бачке, как тесто, что производило на меня отталкивающее впечатление.

В ночь, о которой я говорю, нам повезло: в лабораторию доставили труп человека, который при жизни отличался прекрасными физическими данными и, кроме того, обладал высокой

психической организацией, говорившей об утонченной нервной системе. По иронии судьбы это был тот самый офицер, который помог Уэсту получить данное место и которому предстояло стать нашим помощником. Более того, в прошлом он тайно изучал теорию воскрешения — в значительной степени под руководством Уэста. Сэр Эрик Морленд Клепем Ли (так его звали) был лучшим хирургом дивизии, майором по званию. Как только слухи о тяжелых боях в районе Сент-Элуа достигли штаба, его срочно направили нам в помощь. Он вылетел на аэроплане, пилотируемом бесстрашным лейтенантом Рональдом Хиллом, но прямо над нами самолет сбили. Ужасная катастрофа произошла у всех на глазах. Хилла искорежило до неузнаваемости; что касается талантливого хирурга, то его голова едва держалась на сухожилиях, тело же осталось неповрежденным. Уэст с жадностью вцепился в безжизненные останки прежнего своего друга и коллеги. Меня передернуло, когда я увидел, как он, окончательно отделив голову от туловища, поместил ее, чтобы сохранить для дальнейших опытов, в свой дьявольский чан с пухнувшей эмбриональной тканью. Само же обезглавленное тело он оставил на операционном столе. Затем, влив в него новую кровь, он сшил порванные в области шеи вены, артерии и нервные волокна, а ужасное отверстие обшил куском кожи, взятой у неизвестного трупа в офицерской форме. Мне было понятно, чего добивался Уэст: он хотел знать, обнаружит ли этот высокоорганизованный организм, лишенный головного мозга, какие-либо признаки той умственной деятельности, которая так отличала сэра Эрика Морленда Клепема Ли. Изучавший при жизни теорию воскрешения, он сам стал теперь безжизненным обрубком и лежал, как бы предлагая себя в качестве ужасного практического пособия.

Я и сейчас вижу, как Герберт Уэст при мертвенном электрическом освещении вводит свой эликсир в руку обезглавленного тела. Мне трудно описать место действия — тошнота подступает к горлу при одной лишь попытке. Могу сказать только, что в этом помещении поселилось безумие: повсюду — рассортированные части тел, куски плоти просто валялись на скользком полу, образуя кровавое месиво, местами достигающее до щиколоток. А в темном углу булькали в чане чудовищные порождения эмбриональной ткани. Переполнив посуду, они, извиваясь, вытекали из нее, спускаясь прямо к голубовато-зеленому пламени горелки инкубатора.

Уэст еще раз обратил мое внимание на прекрасную нервную систему подопытного организма. Это позволяло многого ждать от эксперимента. Интерес Уэста возрастал, по мере того как в тканях все заметнее становились мышечные сокращения. Он ждал подтверждения своей гипотезы, в которую верил все больше: что сознание, разум и сама личность существуют независимо от головного мозга и что в человеке отсутствует объединяющее начало. По его мнению, человек является лишь механизмом, состоящим из большого количества нервных клеток. В таком механизме каждый орган существует сам по себе. Если бы наш эксперимент удался, то тайну жизни можно было бы перенести в категорию мифа. По телу мертвеца все активнее проходили судороги, и вот уже грудь его начала вздыматься. Мы пожирали его глазами. Руки беспокойно зашевелились, ноги вытянулись, отдельные мышцы сокращались, выкручиваясь при этом как-то до крайности отвратительно. Затем обезглавленное тело выбросило перед собой руки, этот жест ясно говорил об отчаянии, осмысленном отчаянии, что подтверждало теорию Герберта Уэста. Значит, нервы сохранили память о последнем действии человека, который пытался выбраться из падающего аэроплана.

Что случилось дальше — с точностью сказать не могу. Возможно, это была галлюцинация, вызванная шоком от того, что здание, в котором мы находились, вдруг стало рушиться на наших глазах — начался артиллерийский обстрел, и в него попал немецкий снаряд. Теперь уже до истины не доискаться, ведь мы с Уэстом были единственными свидетелями. Уэст решил для себя, что это всего лишь галлюцинация, но иногда, незадолго до исчезновения, он говорил мне иное: странно ведь, когда сразу обоим чудится одно и то же. Сам по себе этот жутковатый

случай был прост, но за ним стояло нечто необъяснимое.

Тело на столе зашевелилось и стало подниматься, ощупывая вокруг себя пустоту. И вот тут раздалось нечто такое, что язык не повернулся бы назвать голосом: слишком ужасен был звук. Впрочем, и это нельзя счесть самым кошмарным, так же как и смысл услышанного нами: «Прыгай, Рональд, прыгай же, ради Бога!» Самым страшным был источник звука.

Он доносился из того самого чана, что стоял в темном углу.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1012333>